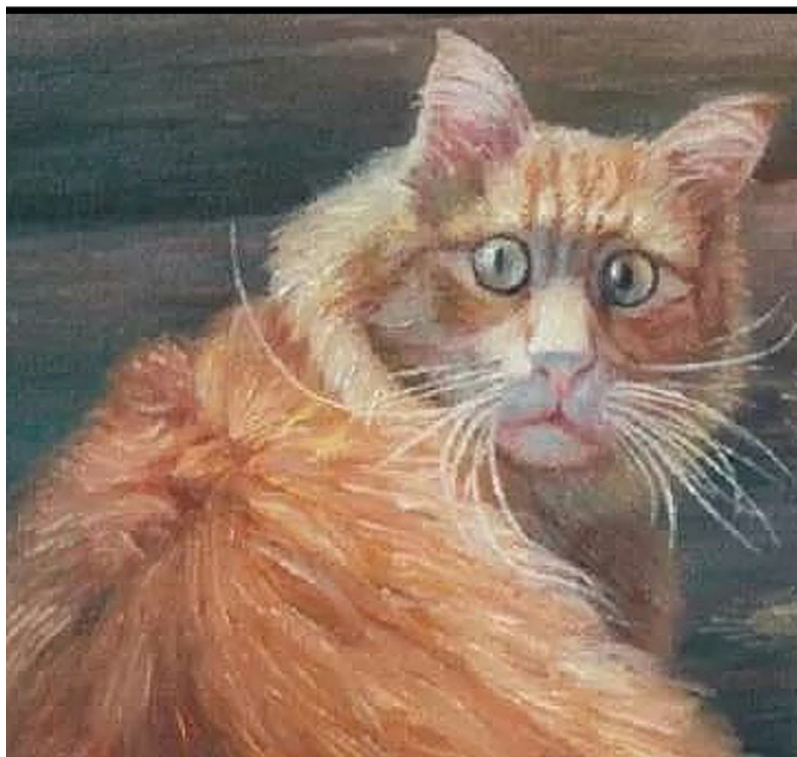

ВАДИМ СЛУЦКИЙ

Мои знакомые животные

Вадим Слуцкий

Мои знакомые животные

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26339396

ISBN 9785448573835

Аннотация

Книга известного российского педагога и писателя Вадима Слуцкого написана для детей 10—14 лет. Отмечена дипломом на конкурсе беллетристики для подростков им. С. Михачова (2008), вошла в короткий список конкурса «Новая детская книга» (2014). Это третье переиздание книги.

Содержание

Кот-толстовец	5
Найдик	9
Малыш	14
Лизка	24
Птицелов	32
Котенок, который ходил в школу	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Мои знакомые животные

Вадим Слуцкий

© Вадим Слуцкий, 2017

ISBN 978-5-4485-7383-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Кот-толстовец

В нашем подъезде жил кот по кличке Пурш. Хозяйка звала его Пуршиком. «Пуршик, Пуршик, Пуршик!» – умильно выпевала она, когда, бывало, кот долго не возвращался с прогулки. Так она могла повторять сотни раз, то понижая, то повышая голос.

Поселившись в этом доме, я довольно долгое время, не видя самого кота, был знаком с ним только по этому, почти ежедневному, хозяйкиному напеву, и, конечно, представлял себе «Пуршика» в виде эдакого милого, симпатичного комочка шерсти. И был поражен, когда в первый раз его увидел.

Как-то поздно вечером я возвращался домой. Поднимаясь по лестнице, случайно взглянул вверх и очень удивился. Почти на уровне моих глаз на ступеньках сидел здоровенный зверь. Кто бы это мог быть? Я щелкнул выключателем. Зверь испугался, прыгнул вверх, но на площадке остановился. Это был ярко-рыжий кот чудовищных размеров: такого мне еще никогда не доводилось видеть. Шерсть его, длинная, мохнатая, торчала пучками в разные стороны; лапы короткие, туловище очень длинное и толстое и огромный пушистый хвост. Но самым замечательным в его внешности была морда: широкая, тупая, будто обрубленная, с огромными круглыми глазами, толстая и свирепая. «И как это люди

не бояться держать в квартире такую зверюгу?» – подумал я.

Но тут скрипнула дверь на верхнем этаже и раздалось обычное: «Пуршик! Пуршик! Пуршик!» Услышав медовый голос хозяйки, чудище мотнуло хвостом, прыгнуло вверх чуть не через десять ступенек и скрылось из виду. «М-да! – сказал я себе. – Это не Пуршик, а самое настоящее Пуршище!»

Но и на этот раз я ошибся. Пуршик оказался очень робким и трусливым животным. Он боялся белья на веревке, хлопавшего на ветру, и прятался от него в кусты. Боялся ворон, хотя иногда и делал вид, что охотится на них: наверняка, чтобы убедить себя, что он их вовсе не боится. Пугался людей, даже детей, даже соседей, которых постоянно видел. Бывало, теплым летним днем подходишь к подъезду, а там возлежит наше Пуршище, занимая половину крыльца. Заметив меня, кот тут же вскакивает и смотрит на меня расширенными от ужаса глазами. Я ему: «Пуршик, здравствуй! Как дела? На солнышке греешься?» А он смотрит на меня с таким выражением, что, кажется, умеет он говорить, обязательно сказал бы: «Ну, греюсь, греюсь. А ты чего мне зубы заговариваешь? Думаешь, я не понимаю, что ты меня съесть хочешь? Проходи-ка лучше подобра-поздорову!»

И чуть только сделаешь шаг в его сторону, он панически бросается с крыльца вниз и, ломая кусты сирени и черемухи, бежит сломя голову неизвестно куда, будто за ним с ружьем гонятся.

Уж не знаю, от природы ли он был такой трусливый или это его хозяйкина любовь так испортила.

А однажды мне посчастливилось наблюдать, как Пуршик охотился на мышку. Маленькие домовые мыши водились к нас в подвале, оттуда они иногда отваживались вылезать через какие-то щели: видимо, в поисках пищи. И вот подхожу я к подъезду, смотрю: на узкой полоске асфальта возле дома, среди кучи бумажек и сухих листьев, что-то шевелится. А на крыльце, выгнув спину, в какой-то странной напряженной позе застыл наш Пуршик. Подхожу ближе – мышка! Роемся в бумажках, попискивает, а кот, нависшего прямо над ней, не замечает. А у Пурша прямо глаза вылезают из орбит от возбуждения.

Мне стало жалко бедную мышку, я хотел было уже прикрикнуть на кота, но в этот момент он прыгнул. Мышка отчаянно запищала и побежала вдоль стены дома от кота. Пурш же, вместо того, чтобы сцапать мышь, испугавшись ее громкого писка, отскочил в сторону, потом прыгнул за ней – она опять как запищит! Кот снова в испуге попятился. Так продолжалось довольно долго и выглядело все это чрезвычайно комично, в особенности из-за того, что Пурш был раз в сто больше своей предполагаемой жертвы.

Но вот, наконец, кот, сам того не желая, загнал мышь в угол между стеной и следующим крыльцом. Мышка метнулась в одну сторону, в другую – деться некуда. Кот остался, а что делать, не знает! Ведь он же кот-толстовец,

никогда в жизни не пробовавший живой добычи.

Но тут мышь, совсем потеряв голову от страха, перестала тыкаться носом в стену, а с громким паническим писком метнулась прямо под ноги коту. И что же! Наш героический Пурш подпрыгнул в воздух, как мяч, и в ужасе отскочил в сторону. Я расхохотался.

Мышка, между тем, прибежала обратно к нашему крыльцу, юркнула там в какую-то щелку и была такова!

Пуршик продолжал сидеть под кустом сирени и смотрел на меня выпученными глазами. Я укоризненно покачал головой и сказал: «Пуршик! Как же тебе не стыдно? Мышки испугался, да?» И, честное слово, у кота на морде появилось какое-то робкое, неуверенное выражение, будто ему и впрямь стало стыдно. Он отвернулся, махнул хвостом и заполз подальше в кусты: переживать свой невиданный позор.

С тех пор Пуршик больше не охотится на мышек, а я понял, наконец, что хозяйка называет его правильно: ну какое же он Пуршилище? Он просто маленький безобидный и забавный Пуршик!

Найдик

Нашу собаку зовут Найдик. Мы его не купили и не получили в подарок, а нашли. Наши не в лесу, не в поле, – в центре большого города. И это не беспородная дворняга, а породистый красивый пес – миттельшнауцер!

Вот как это было. Однажды вечером мы с мамой гуляли в парке. Там протекает быстрая речка с мутной водой и крутыми высокими берегами, через нее вело множество мостов и мостиков, частью еще не достроенных, состоявших только из трубчатого каркаса без деревянного настила. Мы дошли до одного из таких мостков, мама села на скамейку, а я пристроился на берегу, надеясь увидеть выхухоль или на худой конец хоть лягушку.

Вскоре на другом берегу показались гуляющие, целая семья: папа, мама, небольшой мальчик и с ними черный маленький щенок, его вели на поводке. Все они, включая и щенка, были очень толстые, круглые, как бочонки: большой бочонок – папа, поменьше – мама, совсем маленький – сын и бочонок-крошка – щенок. У взрослых вид был чинно-самодовольный; мальчик, которого родители крепко держали за руки, будто боясь, что он удерет, казался насупленным, скучным. Только собачка веселилась вовсю: прыгала, натягивая поводок, гонялась за мухами и бабочками, каталась по траве.

Когда они подошли поближе, я хорошенько рассмотрел щенка: он был весь мягкий, будто плюшевый, со смешными висячими ушками и черными веселыми глазками-пуговками. Шерстка его была не черной, а темно-коричневой, на грудке и передних лапках будто присыпанная чем-то белым.

Дойдя до самого мостика, папа, мама и сын, боязливо держась за перила, перебрались по трубам на наш берег. Здесь они отряхнулись и, не торопясь, проследовали мимо меня, хотя сын все время оглядывался, пытаясь вырваться от своего «конвоя». А щенок остался на том берегу.

Сначала я ничего не понял. Щенок, жалобно скуля, заметался по берегу, а его хозяева уходили все дальше. Собачка попыталась пройти по трубе, но ноги у щенка разъезжались и из этого ничего не вышло. Тогда он подскочил к самой воде, бурлившей у прибрежных камней, но испугался, прыгнул в сторону и заметался вдоль кромки воды, жалобно визжа.

Я оглянулся на этих людей, ушедших уже далеко, и увидел, что они остановились и уговаривают своего сына, видно, не желающего идти дальше. Что-то такое смущенное и неуверенное было в позах взрослых и что-то особенное в их сыне: он не капризничал, а спорил, протестовал, по-своему, по-детски.

И вдруг, сам не знаю почему, я совершенно ясно понял: они специально оставили щенка, они его просто бросили.

Я подбежал к маме: «Мама, я перенесу щенка на наш бе-

рег?» Мама все видела, она сказала: «Хорошо, но будь осторожен, не свались в реку».

Я перебежал по трубе и взял щенка на руки: он оказался неожиданно большим и тяжелым. Благополучно перебравшись через речку, я отпустил щенка, и он, смешно переваливаясь, побежал догонять своих хозяев, но по дороге увидел большую красивую бабочку и принялся ловить ее. А хозяева его уходили все дальше и вскоре скрылись за поворотом дороги. Больше я никогда их не видел.

Я подбежал к щенку и взял его на руки. И тут только разглядел, что он больной: вся кожа на груди и животе была будто присыпана сухой белой крупой – сыпью. Так вот почему тебя бросили!

Я посмотрел на маму и увидел, что она очень рассержена. Она сказала: «Какие отвратительные глупые люди! Как они не понимают, что их сын, когда вырастет, так же поступит с ними, как они с этой собакой!» Я сказал: «Мама, возьмем его себе?» «Но ведь он больной!» – возразила она. «Ничего, мы его вылечим!» Мама посмотрела на меня – и улыбнулась.

Домой я тащил Найдика на руках: никогда бы не подумал, что бывают такие тяжелые щенки! А сколько потом мне пришлось с ним намучиться! Два ветеринара, к которым мы обратились, не захотели лечить щенка, предложив его «усыпить». Я отказался. Третий взялся за лечение, но сказал, что нужно каждый день привозить Найдика на уколы и еще давать ему таблетки. Уколов он страшно боялся, мне приходи-

лось его держать во время всей процедуры, а он дрожал мелкой дрожью и жалобно визжал, так что я и сам от всего этого чуть не плакал.

А как трудно было давать ему таблетки! Ведь Найдик – собака, а у собак феноменальное чутье. Куда бы мы ни засовывали таблетку: в мясо, в кашу, в суп – Найдик ее обязательно находил и выплевывал. Приходилось насильно разжимать ему челюсти и лить в горло воду с растворенной таблеткой. Делать это надо было в определенные часы, и как раз в это время песик забирался куда-нибудь под диван и сидел там, как мышь: иногда, чтобы его извлечь, мы сдвигали в комнате всю мебель.

Надик выжил. И превратился в красивого, высокого поджарого и сильного пса. Шерсть у него теперь жесткая и ее приходится чистить проволочной щеткой. Я вообще люблю собак, но Найдика – как-то особенно: наверное, потому что так трудно было его спасти.

Когда бывает трудно, привязываешься сильнее. Но и Найдик меня тоже сильно любит. Он веселый и добрый, но непослушный пес, и только одного человека на свете он слушается с полуслова, с полувзгляда – меня.

Сейчас я уже взрослый и часто уезжаю из дому. А когда возвращаюсь, знаю заранее: как только откроется дверь, на меня бросится мой Найдик и будет, оглушительно лая, лизать меня прямо в нос. Вот такой он большой: почти 30 килограммов.

А вы любите, когда на вас прыгает здоровенная псина, кладет вам лапы на плечи и лижет вам лицо? Я не очень люблю. Но всякий раз, подходя к дому, улыбаюсь: все-таки приятно, когда тебя кто-нибудь любит, правда?

Малыш

Часто говорят, что кошки – глупые животные. Вот уж не сказал бы. Во всяком случае, по Малышу этого никак не скажешь.

Малыш никогда не был нашим котом. И ничьим не был: он просто дикарь, хулиган, гуляка и гроза всех окрестных мамзелей кошачьей породы. Но зато умен! Министр, одно слово!

Малыш родился одним совсем не прекрасным пасмурным холодным весенним утром. Весь день лил противный ледяной дождь, иногда сменявшийся мокрым снегом; ветер налетал порывами. Только к вечеру развиднелось, на горизонте, за аллеей высоких раскидистых кленов, показались клочки чистенького, хорошо промытого неба.

Я вышел во двор, смотрю – бежит соседская девчонка, Сонька, руками размахивает, глаза выпучены от возбуждения, и кричит: «А у нашей кошки три котенка! А у нашей кошки три котенка!» Тут же все ее подружки собрались возле их крыльца, уселись на корточки и заглядывают куда-то. Потом вытащили котят: один – в маму – совершенно черный с редкими седыми волосками, как у черно-бурой лисички; другой трехцветный и еще один светлый, дымчато-серый. Всем понравился черный котенок, а мне серенький. Вот это и был Малыш.

Мама Малыша – Чернушка или Чернуха – довольно красивая, но глупая кошка. Конечно, умная мать не станет держать котят под крыльцом, в холоде и сырости. Отец Малыша – Бандит, пришлый приземистый тигрового окраса кот, без хвоста и с разорванным ухом. Этот кот был совсем дикий, вечно воровал у нас рыбу, а однажды залез к нам на кухню – дверь была открыта – и стянул со стола целую палку копченой колбасы: потом я нашел в огороде одну целлофановую обертку от нее. Да и на вид он был противный: приземистый, коротколапый, морда злая, хитрая и наглая. Конечно, мы его гоняли со двора, но он все-таки продолжал приходить: обхаживал Чернушку и охотился на крыс, которых в соседнем доме было видимо-невидимо.

Дней через 10—12 у котят открылись глаза. Однажды сеньский Малыш приковылял к нам, стал царапаться в двери и пищать. Мы его пустили в дом. А ночью ударил мороз – последний заморозок той зимы. Температура упала до минус семи градусов. Дура Чернуха же, вместо того, чтобы греть котят, отправилась на охоту.

Утром она плакала на весь двор, но было поздно: котята замерзли. Багирка (так называли черного котенка) погибла сразу, ее трехцветная сестричка была еще жива и Соня отпаивала ее теплым молоком, но та молока не пила и к обеду тоже околела.

А Малыш остался жив, потому что спал в тепле, в нашей комнате, у батареи.

С тех пор так и повелось: когда ему холодно или хочется есть, он приходил к нам: мы его всегда пускали ночевать и кормили. Но играть с ним уже тогда было рискованно: его маленькие коготки были острые, как булавки, и он здорово царапался и даже кусался.

Иногда Малыш надолго пропадал, а потом появлялся, вытянувшийся, повзрослевший. Тело у него было длинное и лапы длинные: когда он вырос, то стоя на задних лапах, мог без труда дотянуться до нашего окна, находившегося в полутора метрах от земли. Он царапал стекло когтями и мяукал, и мы выпускали его в дом.

Взрослого, его трудно было держать на коленях и гладить: он был слишком большим и тяжелым, а главное, у него сохранилась привычка все время выпускать, втягивать и опять выпускать когти и царапать все вокруг: мебель, мою одежду, руки. Он, во многом, остался диким животным, хотя по-своему и привязался ко мне.

Зимой Малыш столовался и ночевал у нас чаще, но иногда и в снежные морозные вьюжные ночи он где-то бродил: может быть, поддерживал знакомство с какой-нибудь хорошенькой кошечкой, а может быть, охотился.

Охотник он был хороший, но добычи своей почему-то не ел. Задушив здоровенную крысу – обычно это происходило ночью – он притаскивал ее к самому нашему порогу и клал посредине крыльца, так что, выйдя утром из дому, мы натыкались на мертвое тело. А рядом с самым добродетель-

ным видом сидел Малыш, как бы говоря: «Вот, видите, какой я полезный! Ловлю крыс! Значит, вы должны меня кормить!»

Малыш был красивым зверем, но, правда, только зимой. Летом он всегда терял в весе и выглядел тощим и облезлым. Зимой же становился упитанным, у него отрастал густой светлый подшерсток, отчего кот казался очень пушистым; на кончиках ушей появлялись меховые, почти белые, кисточки – как у рыси. Он был похож на свою длинноногую стройную мать, но на боках его с возрастом проступили чуть заметные тигровые полосы, как у папаши-бандита. Двигался кот всегда крадучись, осторожно, сохраняя при этом гордый, независимый, даже высокомерный вид. Малыш был глуховат, но зрение имел острейшее, а глаза у него были странные: большие, холодные, сверкающие, как слюда, и почему-то разного цвета: левый желтый, а правый зеленый. Он так и остался дымчатым, только с возрастом его пушистая шуба потемнела, на груди появилась ослепительно белая манишка, а на передних лапах – такие же белые чулочки.

Зима у нас длинная, до шести месяцев, так что большую часть года кот щеголял в своей меховой шубе. Но долгая северная зима однажды сыграла с ним злую шутку.

Это было на третий или четвертый год его жизни, когда он вошел в свою котовскую силу, разогнал вокруг всех соперников (включая собственного родителя) и один ухаживал за добрым десятком очаровательнейших кошечек. Такой

большой гарем, конечно, требовал внимания и сил, и кроме того, Малыш всегда плохо питался: ел он досыта, но давать ему тогда нам было нечего, кроме рыбьих голов, куриных косточек, остатков от обеда. Все знают, что кошки, чтобы восполнить недостаток витаминов, едят траву, но зимой травы нет, а пища была однообразной, бедной витаминами. И Малыш очень серьезно заболел: у него случился паралич задних конечностей.

Как всегда в трудную минуту он приполз к нам. Задние лапы кота волочились по земле, почти не двигались, сам он выглядел жалким и несчастным. В тот же день я понес Малыша к ветеринару. Доктор, маленькая кругленькая пожилая женщина, долго осматривала кота, тыкала иголкой в его задние лапы: они ничего не чувствовали. «Дело плохо! – сказала она. – Может быть, хотите его усыпить?» Но я категорически отказался.

И началась борьба за жизнь Малыша. Каждый день я носил его на уколы. Уколов он панически боялся, и мне приходилось его держать.

Когда я принес кота в первый раз, доктор не хотела делать укол, потому что я был без перчаток и она была уверена, что кот от боли и страха обязательно прокусит мне руку до кости: ведь Малыш был большим и зубастым зверем, – когда врач его взвесила, в нем оказалось 8 килограмм 200 грамм, но это еще не настоящий его зимний вес: здоровый, он наверняка весил зимой не меньше десяти килограммов. Но я сказал,

что беру ответственность на себя: буду держать его голыми руками.

Я положил Малыша на стол, но когда его уколола игла, он рванулся с такой силой, что я выпустил его. Кот свалился на пол и мгновенно заполз под массивный шкаф. Доктор наклонилась, протянула было руку, но кот зашипел на нее, как змея: это было громкое, жуткое, угрожающее предупреждение: «Не тронь! Укушу!»

Я сел на корточки и заглянул под шкаф. Кот забился к самой стене и оттуда, из темноты, сверкал на меня глазами. Я протянул руку и схватил его за переднюю лапу. Доктор громко вскрикнула: «Уберите руку, что вы! Уберите руку сейчас же!» Но я сильно потянул и с трудом, но все-таки вытащил кота наружу. Он не пытался укусить меня или поцарапать.

Теперь я держал Малыша крепко, но самому мне пришлось отвернуться, потому что я не мог выдержать его несчастного вида и отчаянных громких воплей. Наконец, укол был сделан. Я держал Малыша за холку и за передние лапы голыми руками, и он, как ни вопил от страха и боли, опять не укусил меня.

Потом врач дала мне таблетки и порошки и сказала: «Да, теперь я верю, что вы его вылечите. Удивительно, как он вас любит. Никогда не видела ничего подобного!» И мы оба стали гладить кота, в изнеможении, тяжело дыша, лежавшего на боку.

Так продолжалось долго. После школы я брал большую спортивную сумку, сажал туда Малыша, закрывал молнию и шел к врачу. В тот год в марте были сильные снежные выюги, а идти нужно было на другой конец города: дорога в оба конца занимала почти три часа. Ехать с Малышом в автобусе было невозможно, потому что по дороге он метался и был дурным голосом, так что через каждые сто шагов приходилось ставить сумку на землю и, чуть-чуть расстегнув молнию, гладить и успокаивать кота.

Только в апреле наступило улучшение. Доктор сказала мне: «Вы его спасли!» Не знаю, понимал ли это Малыш, но с тех пор он стал ночевать у нас гораздо чаще и больше не царапал мебель, хотя и без того все наши шкафы, столы и диваны носят на себе следы его когтей и иногда эти следы можно найти метрах в полутора от пола и даже выше.

А еще через год мы потеряли нашего Малыша. Вот как это случилось.

Рядом с нашим домом стоял старый деревянный дом. Жили там не только крысы; жила там еще девочка Соня, ее мамаша, Петровна, как ее все называли, и ее сожитель, Павлиныч. Петровна была огромная, толстая, как колода, краснолицая баба, работавшая поварихой в ресторане, откуда она вечно таскала то мясо, то рыбу и, видно, ела за троих: ведь не свое, ворованное, что ж жалеть. А девчонка, между тем, была у нее тощая-тощая, в чем душа держится; кошка, мама Малыша, Чернуха, тоже тощая, и даже сожитель ее, имев-

ший экзотическое отчество Павлиныч, был мелкий, плешивый и тощий мужичонка, раза в три уже своей дорогой «супружницы».

Конечно, Малыш, никогда не жаловавшийся на плохой аппетит, кормился не только у нас, но и у них, иногда отбирая еду у собственной матери, Чернушки, а иногда и выпрашивая подачки, благо, что обрезков мяса и рыбьих голов и потрохов там было всегда в избытке.

Это случилось тоже зимой. Петровна по временам в своем ресторане изрядно напивалась и приходила домой веселая, но раздражительная: такое действие на нее почему-то оказывала водка. Поскольку была она женщина небедная, то и ходила в роскошном, сшитом на заказ бордовом пальто с норковым воротником. И вот Малыш, встретив ее у крыльца, как обычно, стал просить подачки, встал на задние лапы, прислонившись передними к ее бордовому пальто. Как назло, в тот день началась оттепель и лапы у кота были в грязи.

Будь баба трезвой, все бы ограничилось матерной бранью, кота бы прогнали – и только. Но она была основательно пьяна. Выхватила из штабеля дров какое-то полено и ударила им Малыша. Ударила, видно, сильно.

Я этого всего не видел, мне потом рассказывала Сонька. Она говорит, что Малыш от боли так завизжал, что было слышно на соседней улице.

А потом, конечно, приполз к нам: зализывать раны. Обошлось на сей раз без врача: бок и спина у него зажили, я его

хорошо кормил, и вскоре Малыш стал, как обычно, уходить по ночам, но, как впоследствии выяснилось, по совершенно особым делам. Кот решил отомстить своей обидчице.

Я, понятно, об этом не подозревал. Квартира Петровны, как и весь дом, отапливалась дровами, и возле боковой стены сделан был для них дощатый навес. Наше окно находилось как раз над этим навесом, и я несколько раз замечал, что Малыш, забравшись на самый верх его, метрах в четырех от земли, сидит там часами и то ли чего-то ждет, то ли кого-то караулит. Но как я мог догадаться, что у него на уме?

И вот однажды холодным выюжным утром он-таки дождался: Петровна вышла по дрова. К счастью своему, она накинула шарф и поверх него тулуп, но не застегнула его. Кот прыгнул на нее сверху и, как делают все хищники, вцепился мертвой хваткой ей в шею сзади, где позвонки. Хорошо, что укус был сквозь шарф. Но она заорала так, что через минуту во двор выбежали все соседи.

Выбежал и я. Не могу сказать, что мне Петровна очень нравилась, но тут я впервые ей искренне посочувствовал. Она сидела прямо на снегу, плакала и громко, жалобно, по-детски всхлипывала. Думаю, такого ужаса она не испытывала никогда в жизни. Кот же, конечно, давно удрал с места преступления.

Потом Петровне пришлось делать уколы против бешенства. А на шее у нее так навсегда и остались два четких следа от клыков Малыша.

Я же увидел его почти через месяц. Где он бродил, бог весть, но этот гениальный зверь, конечно, прекрасно понимал, что его ждет в нашем дворе. У Павлиныча была двустволка, и он поклялся всеми мыслимыми клятвами обязательно застрелить Малыша.

Поэтому я его хорошо накормил, подсыпав в еду снотворного, как уже не раз делал во время его болезни. Когда он заснул, я уложил кота в сумку, отнес на автовокзал, сел в пригородный автобус и отвез Малыша к бабушке в деревню. Ей я сказал, что нашел для нее хорошего кота-крысолова: дескать, проявил заботу о старушке!

С тех пор Малыш живет в деревне. Прошло уже пять лет, как я его туда переселил. Он жив, здоров, говорят, не жалуется и даже процветает; пользуется большой популярностью у местных кошек. Но я его больше ни разу не видел.

Вот такой он, Малыш, – «глупая кошка», как говорят умные и знающие люди.

Лизка

Говорят, сапер ошибается только один раз. Вот и Лизка, к несчастью, ошиблась тоже только один раз. Она была выдающейся специалисткой по прыжкам с большой высоты, ее высочайшая квалификация в этом деле сомнению никогда не подвергалась. Но и ей – как саперу – дано было право только на одну ошибку, и она оказалась последней.

Лизка – это наша ангорская кошка. И это была самая необычная кошка, какую я знал в своей жизни.

Она и внешне уж никак не походила на обыкновенную кошку. Маленькая, хрупкая, изящная, с удивительно чистой снежно-белой шерстью, из-под которой чуть просвечивала розовая кожа, с маленькими лапками, розовым носиком и огромными светло-голубыми, как закатное небо, глазами, она казалась скорее ангелом, спустившимся на нашу грешную Землю с небес, чем животным, тем более хищным.

Почти всю первую половину дня после завтрака Лизка занималась своим туалетом. Сначала она вылизывала хвост и заднюю часть тела (хвост при этом она прижимала к полу передними лапками, чтобы он не шевелился), потом все остальное. На это у нее уходило не меньше двух часов. Воды она терпеть не могла, зато два раза в день ее расчесывали мягкой щеткой.

Все ее повадки были очень странные. Выйдя из детского

возраста, она почти никогда не играла, а или неторопливо бродила по квартире, куда-нибудь запрыгивала и спрыгивала обратно, или сидела на шкафу или на столе, или лежала на ковре посреди комнаты. Она почти никогда не выпускала «из ножен» своих коготков, так что кое-кто из наших юных гостей даже выражал сомнение в том, что они у нее вообще есть: когти у нее, конечно, были, но она ими совсем не пользовалась.

Лизка была необыкновенно привязана ко всем домашним, особенно к моей младшей сестре, Вике, которую она встречала не иначе, как прыгнув ей на грудь, обняв лапками за шею и «целуя» в нос, щеку или глаз. Мне она тоже часто лизала руки и лицо: кстати, именно из-за этой своей привычки она и получила имя «Лизка».

В то же время к чужим она относилась очень настороженно, не любила, когда ее гладят или берут на руки, поэтому гостей обычно встречала, сидя на шкафу.

Шкаф у нас был высокий, с антресолю под самый потолок: оставалось ровно столько пространства, чтобы поместиться маленькой кошке. Но самое интересное, что шкаф стоял совершенно отдельно от другой мебели, был он гладкий-гладкий, полированный, так что, казалось, забраться на него абсолютно невозможно. Никто не мог понять, как кошка туда попадает.

Лизка делала так: выходила из комнаты в довольно длинный прямой коридор, напротив которого как раз и стоял

шкаф. Затем от самой входной двери разгонялась и взбегала прямо по стене! Кто этого не видел, никогда не поверит. Правда, при этом она выпускала свои коготки, из-за чего стена в этом месте была закрыта специальной деревянной панелью, которую мы так и называли «лизкина стена».

Но самыми замечательными лизкиными качествами были ее ум и ее манера ходить на прогулку.

Умна она была невероятно. Она понимала все, что ей говорили; например, можно было сказать: «Лизка, выйди, пожалуйста, из комнаты!» – и она вставала или спрыгивала откуда-нибудь и выходила. Можно было позвать ее, не обычным «кис-кис», а совсем как человека: «Лизка, иди сюда!» – и она приходила.

Вообще с Лизкой никто из нас не обращался как с кошкой: никто ей не говорил «Брысь!» и т.п., как-то не получалось. И когда она лежала, вытянув лапки, на моем столе и смотрела на меня, на мордочке у нее обычно было такое выражение, будто кошка чуть-чуть улыбается; глаза, большие, ласковые и умные, казались задумчивыми – и я, глядя на нее, иногда начинал сомневаться в том, что наша Лизка действительно кошка. А вдруг она человек? Во всяком случае, глаза у нее были гораздо более человеческие, чем у многих людей.

Что касается лизкиных прогулок, то это были во всех отношениях обычные кошачьи прогулки, за исключением только того способа, каким она попадала на улицу. Поче-

му-то Лизка боялась или не хотела выходить через дверь, по лестнице, а выпрыгивала в форточку и потом вниз с балкона. Казалось бы, что тут особенного? А дело все в том, что жили мы в то время на пятом этаже!

В это, я понимаю, поверить еще трудней, чем в историю со шкафом. Тем не менее, Лизка это проделывала сотни раз на протяжении трех лет и с ней ни разу ничего плохого не случилось.

Видимо, решающим был первый прыжок: возможно, она просто по неосторожности упала с балкона – и благополучно приземлилась. И с тех пор не боялась прыгать вниз.

Многое объяснялось, конечно, и особенностями ее телосложения и поведения. У Лизки были длинные, сильные, как пружины, «ноги», при очень небольшом весе. Поэтому запрыгивать куда-нибудь и спрыгивать вниз было ее любимым занятием, кроме того, она таким образом тренировала свои лапки-пружинки.

Своими цирковыми трюками она не занималась только зимой, в сильные морозы, да еще тогда, когда у нее были котята. За четыре года, что Лизка прожила у нас, она родила семерых котят, отцом всех их был один очень представительный ангорский кот. Лизка была самой нежной и заботливой мамой, и котята у нее всегда хорошо развивались, были здоровые и веселые: найти для них хозяев труда не составляло.

Беременная, Лизка почти не прыгала, но однажды она изменила этой своей постоянной привычке.

Это случилось ранней весной, в середине марта. У нас на кухне стояла газовая плита: газ открывался, как обычно, на стволе – поворотом вентиля на трубе, по которой шел газ, и кроме того, поворотом рукоятки-выключателя на самой плите. Вот эту рукоятку моя маленькая сестра все время забывала закрыть: она выключала газ только на трубе и потом уходила. Когда после этого кто-нибудь поворачивал вентиль, газ сразу начинал выходить. Вике делали замечания, но она продолжала поступать по-своему.

И вот как-то поздно вечером, когда Вика, дедушка и я уже спали, мама пошла на кухню ставить чай, но, повернув вентиль, о чем-то вспомнила и вернулась в комнату. В этот день она плохо себя чувствовала и очень устала на работе. В комнате она что-то еще сделала, потом постелила и легла, а об открытом газе забыла.

Все внутренние двери у нас закрывались неплотно, форточки, наоборот, были закрыты. Так бы мы все и погибли: ведь газ человека усыпляет и, надышавшись газом, он гибнет. Но нас спасла Лизка.

Кошки гораздо лучше чувствуют всякие запахи и очень чутко спят. Было уже совсем темно, когда мама, громко крича, разбудила всех нас. В квартире стоял сильный отвратительный запах газа: будто разбили тысячи тухлых яиц.

Дед – он у нас бывший офицер, ветеран войны, человек решительный – тут же вытолкал нас всех на лестницу, не дав даже толком одеться, а сам открыл настежь все окна и двери

на балкон, закрыл газ и спустился к нам. И только тогда мы вспомнили о Лизке.

Мы с дедом тут же поднялись наверх. Но кошки в квартире не было.

Мы нашли ее внизу, под нашим балконом. Было очень холодно, налетал порывами норд и шел мокрый снег пополам с дождем. Никогда прежде в такую погоду Лизка не выходила из квартиры. Кроме того, она всегда выпрыгивала правильно и расчетливо: возле самой стены дома проходила асфальтовая дорожка, а дальше начиналась мягкая земля, летом заросшая травой, а зимой покрытая снегом. Вот туда она и падала и никогда не ошибалась.

Но, к сожалению, тот, кто прыгает с такой высоты, имеет право только на одну-единственную ошибку: на этот раз кошка упала на асфальт. Может быть, все дело в том, что она была беременна и вот-вот должна была родить, а может быть, она просто слишком испугалась и поспешила.

Когда мы ее нашли, она еще дышала, но сделать уже ничего было нельзя. Я посмотрел на деда, нашего вожака, и очень удивился: наш неунывающий дед, на глазах которого я никогда не видел слез, которого просто невозможно было себе представить плачущим, на этот раз плакал. Я успел еще погладить Лизку, а она в последний раз из последних сил лизнула мне руку.

Мы похоронили Лизку на следующий день, под нашим балконом, возле того места, где она разбилась. Дед поче-

му-то очень хотел посадить на ее могиле какое-нибудь особенное дерево и раздобыл-таки где-то настоящую японскую дикую вишню, сакуру. Теперь она выросла в красивое стройное деревце.

Что же произошло в ту ночь? Об этом нам рассказала мама. Как я уже говорил, она легла спать и спала, по ее собственным словам, как убитая. Проснулась же оттого, что Лизка, всегда такая кроткая и тихая, за всю свою жизнь никого не поцарапавшая и не издававшая почти никаких звуков (она умела только еле слышно попискивать, когда ей что-нибудь было нужно, или тихо-тихо мурлыкать, когда была чем-нибудь очень довольна), на этот раз повела себя совершенно безумно: она прыгнула к маме на постель и стала когтями царапать ей лицо, издавая при этом дикие вопли. От этого мама вскочила, как ужаленная, сразу почувствовала запах газа, закричала и бросилась к нам. А о кошке мы все забыли.

Она же, увидев открытую дверь на балкон, побежала туда. Кошка погибает от удушья или отравления быстрее, чем человек; кроме того, она спасала не только себя, но и будущих котят. Вот, наверное, поэтому она поторопилась и прыгнула неправильно.

С тех пор прошло много лет. Мой героический дед до сих пор жив: недавно ему стукнуло 80 лет. И все мы тоже живы. Возвращаясь домой, я часто прохожу мимо небольшого тонкого деревца с медового цвета стволом и яркими, гля-

цевитыми листочками: для всех людей это деревце, может быть, и симпатичное, но обыкновенное, а для меня совершенно особенное. Деревце окружено аккуратной оградкой, окопано и побелено: это уж дед постарался.

Теперь у нас живет другая ангорская кошка, Дашка. Она не такая беленькая, не такая умная, не умеет взбегать на шкаф по стене и прыгать с пятого этажа, но мы ее очень любим, потому что она напоминает нам нашу любимицу и спасительницу, самую замечательную кошку на свете – Лизку.

Птицелов

Уже больше двадцати лет я не ловлю птиц. Хотя в детстве любил их больше всего на свете. Одно время у меня в комнате жили тринадцать разных певчих птах: два кенара и канарейка, две чечетки («чечики», как мы их называли), снегирь, два вьюрка, чижик и четыре щегла.

Давно это было! Но и сейчас, когда я иду по улице и встречаю сидящих на ветке солидных снегирей или летом за городом вижу стайку стремительных ярких щеглов, на душе у меня становится теплее. Да, ведь это именно птички так скрасили мое, в общем-то, одинокое и не очень счастливое детство.

А оборвалось все это внезапно, после одного совсем особого случая.

В то лето в пригородных рощицах было много чижей. Мы ловили их «заподками» – западнями.

Западня – это на вид самая обыкновенная небольшая прямоугольная клетка. Посредине она перегорожена проволоочной «стенкой» на две части, и в каждой – своя маленькая дверца: одна обычная, закрывающаяся простым крючком, а другая – с пружинкой – автоматически захлопывающаяся. Раскрыв ее, в образовавшееся отверстие вставляют две особые круглые палочки: одну горизонтально, другую вертикально – они удерживают дверку, не давая ей закрыться.

Вот на эту горизонтальную жердочку и садится прилетевшая птичка. Искусный ловец так укрепляет палочки, что веса крошечной птички оказывается достаточно и палочка со скакивает, дверка захлопывается и – птица поймана!

Зачем же птичка летит прямо в клетку? Ну, во-первых, дикая птица не знает, что такое клетка. Все же ко всему непонятному, незнакомому дикие животные и птицы относятся с опаской, так что поймать даже любопытного беспечного чижики в пустую заподку шансов мало. Поэтому в то отделение клетки, где установлена дверка-ловушка, кладут приманку: прикрепляют прищепками ярко-красные гроздья рябины (если ловят снегиря) или несколько слипшихся коробочек репейника (если надеются поймать щегла), или просто рассыпают по дну пестрый яркий канареечный корм: перемешанные друг с другом крошечные черные зернышки рапса, круглое коричневое, как полированное дерево, просо, желтое пшено, коноплю, семечки подсолнуха.

Но и этого мало. Самое главное в заподке – это подсадная птичка. Ее сажают во второе отделение клетки, с обычной дверкой. Птичка должна быть ручная, привыкшая к неволе: если ловят щегла, это щегол; если чижики – чижик.

Птичка весело прыгает, поет и клюет корм. Ее дикая «подружка», услышав знакомый голос, прилетает, видит эту соблазнительную картину и пытается выяснить, что это такое вкусненькое тут клюет ее родственница: садится на жердочку – хлоп! – и попалась!

Больше всего птички хотят есть на рассвете, поэтому заподка обычно ставится с вечера, а проверяют ее утром, когда солнце уже высоко. Если в заподке никого, кроме подсадной птицы, нет, ее лучше снять с дерева, а в сумерки опять поставить. Если есть, дверку открывают, а попавшую в ловушку дикую птицу выгоняют в другую маленькую клеточку-переноску.

Проверять заподки по утрам – закон для птицеловов, потому что попавшая в ловушку птица пугается и начинает биться, пытаясь вырваться на волю: если оставить ее так на весь день, она не станет есть и пить, может повредить себе крылья и клюв и даже разбить голову, ударяясь о прутья клетки, и в конце концов погибнуть.

Поэтому оставлять пойманную птичку в западне надолго ни в коем случае нельзя.

И вот однажды я нарушил это золотое правило птицеловов.

Это было в середине лета, в июле или, может быть, в начале августа. С вечера я поставил заподку в ближней рощице, среди молодых сосенок, лиственниц, ольхи и березы – как раз такие места любят чижики. Укрепив клетку на одной из верхних веток невысокой пушистой сосенки, примерно так, как вешают игрушки на новогодней елке, отправился спать. В клетке сидела совершенно ручная чижиха.

На следующее утро – это было воскресенье – я проснулся в семь часов утра. Мне нужно было еще набрать репейника

для щеглов, свежей созревающей рябины для снегиря, березовых и ольховых почек для чечиков и для всех птиц — нежных салатowych листьев одуванчика и подорожника. Их найти было нетрудно, а вот за репейником пришлось идти за полтора километра, к реке; рябина же росла в самом нашем дворе. Потом я почистил клетки, засыпал корм в кормушки, налил в поилки чистую воду. Осмотрел птиц: все они были здоровы и веселы, щеглы уже начали петь свою обычную песенку: звучит она так, будто в горле у них перекатываются звонкие стеклянные шарики. Я еще немного постоял, любуясь своими птичками. Пора было идти проверять заподку.

Но тут как назло явились два моих приятеля: Миша и Макс. Именно у Миши я взял ту ручную чижиху, которая сидела в моей заподке: у меня самого такой не было. Они сказали, что идут на птичий рынок: якобы какой-то дядька собирается продавать своих амадинов (очень красивых маленьких птичек из семейства ткачиков): неплохо было бы посмотреть и прицениться. Кроме того, нужно продать пойманных птиц. С собой у них были две большие клетки и в них десять или двенадцать чижей, уже привыкших к неволе: в то время чижи́к шел на нашем базаре за рубль, но если учесть, что порция эскимо тогда стоила 20 копеек, для нас это были хорошие деньги. Продавали мы и корм, и поилки, и клетки. Летом это приносило немалый доход.

Я сказал, что у меня заподка в лесу, надо проверить, но Миша стал меня уговаривать, уверяя, что сегодня все рав-

но никого не поймаешь: на рассвете шел дождь и птицы где-нибудь прятались, а не летали в поисках корма. Это было похоже на правду. Кроме того, Миша был старше меня и как птицелов авторитетней: в нашей компании заводилой был он, он и заподки делал, и для себя, и для нас; знал всякие места, где водятся птицы и есть хороший корм, а зимой именно с ним мы ходили ловить снегирей: ночью их, спящих, ослепляют фонарем и берут прямо руками, но это требует навыка и быстроты – Миша тогда поймал трех снегирей, а мы с Максом вместе только одного.

Словом, я поддался на уговоры и согласился. На рынке мы с Максом торговали, а Миша толкался среди покупателей, смотрел птиц, толковал с продавцами – словом, получал удовольствие. С рынка мы вернулись только к обеду, а после обеда пришли гости, и мама ни за что не хотела отпустить меня на улицу. И только вечером, уже в сумерки, я отправился проверять заподку.

Когда я добрался до места, было уже очень поздно, но в наших краях летом нет настоящей ночи: в воздухе будто разлитое молоко, видно недалеко, но ясно и четко, иногда даже можно читать.

Еще шагов за пять я разглядел на ветке свою заподку и сердце у меня екнуло: обе дверки были закрыты! Я быстро залез наверх, так что моя голова оказалась на одном уровне с клеткой. И тут увидел такое, от чего сердце в моей груди забилось, как пойманная птица, и перехватило дыхание.

Сначала я даже не понял, что произошло, только почувствовал: случилось что-то жуткое, непоправимое.

В заподке был чирик, крупный, очень красивый, его мягкие перышки были лимонного и бледно-зеленого цвета. Но он не двигался, а лежал на дне клетки в самой неестественной позе. Чирюха в соседнем отделении вела себя очень тревожно, беспокойно перескакивая с жердочки на стену клетки и обратно. Я присмотрелся и увидел, что чир, пытаясь вырваться на волю, просунул голову между нижней проволокой и деревянной рейкой, но не вылез, а застрял и, видимо, задохнулся.

Рискуя свалиться с дерева, я протянул обе руки, одной отогнув проволоку, другой вынул крошечное еще чуть-чуть теплое тельце. Потом спрыгнул вниз.

Но напрасно я дул на чирюху, напрасно пытался поднести к его клювику пахучие зерна конопли и капельки воды: чирюх был мертв. Он лежал на моей ладони, такой маленький, жалкий, несчастный, и хотя он умер и ничего уже не чувствовал, вся его застывшая поза выражала боль и в то же время жажду жизни: головка вытянута вперед, как будто он все еще пытается вылезти из клетки, тельце с растопыренными крылышками обмякло и на тоненькой-тоненькой шейке, там, где его задушила безжалостная проволока, распушились светло-желтые перышки.

И тут я вспомнил: эта нижняя проволока была давно уже отогнута и неплотно сидела в пазах: надо было ее поправить,

а я собирался-собирался, да так и забыл.

Вспоминая все это сейчас, я могу сказать: это был самый страшный день моего детства.

Не помню, как я добрался до дому. Увидев меня, мама испугалась, а я бросился к ней, зарылся лицом в ее платье и горько-горько заплакал.

А через две недели я пошел в лес и отпустил всех своих птиц, оставив себе только канареек. В неволе птицы отвыкают заботиться о себе: им не нужно остерегаться врагов, не нужно искать себе корм. Поэтому выпущенные из клеток, они могут погибнуть. И только в конце лета можно отпускать их на свободу: в это время корма вдоволь, можно постепенно привыкнуть к вольной жизни, найти птиц своего вида и прикнуть к их стайке, где будет кому предупредить об опасности и есть кому подражать в поисках пищи.

Я вышел на поляну, открыл все свои клетки, мои птички выпорхнули и спокойно уселись на ветках прямо над моей головой, будто никогда и не жили на воле и никуда не собирались улетать.

Да, давно это было, очень давно. С тех пор я больше не ловлю птиц. Правда, корм покупаю до сих пор, а на зиму заготавливаю целый мешок подсолнечных семечек. Их я насыпаю в кормушку, висящую под моим окном. Кормушку я сделал так: взял обычную пластиковую бутылку, укрепил ее в вертикальном положении горлышком вниз, а под ней прибил квадратную фанерку с невысоким бортиком. Бутылка

наполнена семечками и закрыта пробкой, но в пробке сделаны отверстия, чтобы семечки постепенно высыпались. Над кормушкой – крыша, для предохранения от снега и дождя.

Так что теперь я смотрю на птичек только через окно своей комнаты.

С Мишей я после того случая перестал водиться: не мог ему простить, что он был косвенным виновником гибели чирика, а кроме того, я понял тогда, что мы с ним по-разному любим птиц: он – ради своей выгоды и удовольствия, а я люблю их самих по себе, бескорыстно. А вот с Максом, которого теперь называют не иначе как Максимом Альбертовичем, я переписываюсь до сих пор. Он теперь живет в Петербурге и работает заместителем директора зоопарка, защитил диссертацию и называется она – знаете как? Представьте себе, «Выводковое поведение певчих птиц семейства вьюрковых»!

А я не стал биологом, я стал врачом. И все-таки даже сейчас, когда я прохожу по улице и вижу веселую смешную синичку, или стайку надутых важных снегирей, или взбалмошную семейку растрепанных воробьев, у меня теплеет на сердце и вспоминается детство, прохладный лес, залитый солнцем, и веселое безмятежное пение птиц.

Милые мои птички! Как я рад, что полюбил вас! Как хорошо, что вы есть на свете!

Котенок, который ходил в школу

Вы только не подумайте, пожалуйста, что я вам сказку хочу рассказать. Вот еще! Это все чистейшая правда. И котенок этот не какой-нибудь, из мультфильма, а самый настоящий, с хвостиком, с ушками. Обыкновенный котенок.

И в школу он ходил совсем не для того, чтобы учиться: по-моему, к учебе он был равнодушен. Но лучше я вам все расскажу по порядку: из меня все должно лезть постепенно, как вата из старого матраца, а то я обязательно запутаюсь.

Было это как раз в начале сентября, в 6-м классе. К тому же в понедельник – день тяжелый. Честно говоря, не хотелось идти в школу: лето еще не совсем кончилось, догорали последние деньки, вода в озере была теплая-теплая, как в ванне. В общем, что я вам буду объяснять, вы сами все понимаете. Еле-еле я проснулся, быстренько что-то съел, глядь – уже опаздываю, и пошел самой короткой дорогой, дворами.

Погода была класснейшая: яркое солнце, небо такое, будто его только что вымыли поливальной машиной, на горизонте чистенькие, аккуратненькие белые облака, тепло, но не жарко, и легкий-легкий, приятный такой, ветерок. В такую погоду быстро идти, да еще в школу, просто невозможно, вот я и шел медленно и внимательно все вокруг разглядывал. И в самом последнем дворе, рядом со школой, на-

ткнулся на этого котенка.

Котенок был, как я уже сказал, обыкновенный, серенький, полосатый, тощенький и несчастный. Он сидел у обочины и жалобно пищал. Я с ним поздоровался: «Привет!» – говорю. И напрасно, потому что он, видно, подумал, что я его зову, и побежал за мной. Бежит и бежит, догонит, потрется о мои ноги и пищит еще жалостней. Я остановился.

Тут как раз из подъезда вышла какая-то толстая тетка, я ее спрашиваю:

– Скажите, пожалуйста, вы не знаете, чей это котенок?

Она на меня посмотрела так, как будто я ее спросил, каким троллейбусом доехать до Марса, ничего не сказала и ушла. Я дальше пошел – котенок за мной.

Подошли мы к школе, вижу: мне от него не отделаться. Да и жалко его. Я открыл сумку, она у меня была почти пустая, сунул туда котенка, а сумку оставил открытой, чтоб он не задохнулся.

Тут звонок звенит, да еще второй, – я сам не помню, как влетел на второй этаж и очутился в классе: ужасно не люблю опаздывать. Не то, чтобы я такой дисциплинированный, просто когдаходишь во время урока, всегда страшно неудобно себя чувствуешь, а еще бывает, кто-нибудь с места что-нибудь брякнет, все смеются, а этому дураку даже по уху не дашь: идет урок! Неприятно.

В общем, я плюхнулся на стул, только-только отдышался, даже достать ничего не успел, как в класс вошел учи-

тель. И что самое любопытное, учитель-то оказался новый! И очень интересный. И я, конечно, про котенка забыл.

Учитель был молодой и без ноги. Да-да, я и не думаю врать: без ноги, на протезе, с палочкой. В очках, интеллигентный такой. Вошел тихо, поздоровался с нами: половина класса встала, половина нет – он ничего даже не сказал, посадил нас и вместо того, чтобы начать что-нибудь объяснять (первый же урок!), говорит:

– Меня зовут Вадим Иванович Рутберг. Запомните, пожалуйста: *не* Владимир Иванович, а Вадим Иванович. Владимиром Ивановичем звали нашего замечательного драматурга и театрального режиссера, одного из основателей Московского Художественного театра – Немировича-Данченко. А моя фамилия Рутберг. Так как звали Немировича-Данченко?.. Совершенно верно: Владимиром Ивановичем. А меня как зовут?.. Ну вот, на всякий случай, учтите, что Владимир Иванович Немирович-Данченко основал МХАТ вместе с Константином Сергеевичем Станиславским, кроме того, они были друзьями, поэтому если кто-нибудь из вас назовет меня по ошибке «Владимиром Ивановичем» – всякое ведь бывает – я тому не буду делать замечания, а просто скажу: «Я вас слушаю, Константин Сергеевич!» Потому что раз я – Владимир Иванович, то тот, кто со мной говорит, – это, по всей вероятности, Константин Сергеевич. Вы все поняли?

Ну мы, понятно, слегка обалдели: никогда не видели такого учителя. И что самое странное: говорил он это все тихо,

спокойно, по-домашнему, а обычно наши училки как зайдут в первый раз в класс, как заорут! – порядок наводят. А этот какой-то не такой. В общем, все притихли: и мне интересно стало.

А Вадим Иванович говорит:

– Ну а теперь я хочу познакомиться с вами. Давайте мы так договоримся: сегодня настоящего урока у нас не будет.

Тут все, конечно, заорали от радости, а учитель смеется. Подождал, пока мы успокоились, и говорит:

– Нет, кое-что я хотел вам рассказать, но это будет не урок: просто мне хочется сегодня вместе с вами выяснить, зачем же нужен в школе такой предмет – история. Но сначала вы меня кое-чему научите. Так что все-таки у нас будет урок, но: вы все будете учителями, а я учеником, хорошо?

Это всем понравилось. Все опять чуть-чуть поорали, но быстро затихли. Учитель говорит:

– Вы меня должны научить тому, как каждого из вас зовут: посмотрим, смогу ли я всех сразу запомнить. Если запомню всех, вы мне поставите «пятерку». Если одного-двух забуду – «четверку». Если три-четыре, может быть, пять имен не запомню – «тройку». Ну а если больше – «двойку». Только, чтобы мне легче было запоминать, вы не просто называйте свое имя и фамилию, но и говорите, как по вашему мнению, для чего нужно изучать в школе историю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.